

§ II. Описание мифа о Провидении. Отступление Бога

Из числа трех доказательств, которые у теологов и философов принято приводить в пользу существования Бога, ставят на первое место всеобщее согласие.

Я учел этот аргумент, когда, не отвергая и не признавая его, немедленно задался вопросом: Что, утверждая Бога, утверждает всеобщее согласие? И в связи с этим я должен напомнить, что различие религий не является свидетельством той ошибки, в которую впал человеческий род, утверждая вне себя высшее Я, равно как и разнообразие языков не является свидетельством нереальности разума. Гипотеза о Боге, отнюдь не ослабевая, тем не менее укрепляется и ослабляется самим расхождением и противопоставлением культов.

Аргумент иного рода тяготеет к миропорядку. В связи с этим я заметил, что природа, спонтанно утверждающая человеческим голосом свое собственное различие в духе и материи, — остается выяснить, управляет ли бесконечный дух, мировая душа, в своей смутной интуиции, вселенной, как и сознанием, — говорит нам, что дух одушевляет человека. Если таким образом, — добавил я, — порядок был безошибочным показателем присутствия духа, то во вселенной нельзя было не признать присутствия Бога.

К сожалению, это не доказано и не может быть доказано. Ибо, с одной стороны, чистый дух, сконструированный в противоположность материи, есть противоречивая сущность, о реальности которой ничто, следовательно, не может свидетельствовать.

С другой стороны, некоторые упорядоченные сами в себе сущности, такие как кристаллы, растения, планетная система, которые в ощущениях, которые они заставляют нас испытывать, не вызывают у нас, подобно животным, чувство ради чувства, кажутся нам совершенно лишенными сознания, и оснований располагать разум в центре мира существует не больше, чем предполагать его в спичке; и может случиться так, что если разум, сознание, где-то и существует, то только в человеке.

Однако если мировой порядок не может ничего сообщить о существовании Бога, он открывает, возможно, не менее ценную вещь, которая послужит нам вехой в наших исследованиях: это то, что все существа, все сущности, все явления прикованы друг к другу совокупностью законов, вытекающих из их свойств, вместе названных мною (гл. III) *неизбежностью* или *необходимостью*. Что, следовательно, существует бесконечный разум, охватывающий всю систему этих законов, все поле фатальности; что с этим бесконечным

разумом объединяется в сокровенном проникновении высшая воля, вечно определяемая совокупностью космических законов и потому бесконечно могущественная и свободная; что, наконец, эти три вещи — фатальность, разум, воля — современны и адекватны друг другу во Вселенной, и идентичны: ясно, что до сих пор мы не находим ничего противоречащего; но именно эту гипотезу, именно этот антропоморфизм еще предстоит продемонстрировать.

Таким образом, в то время как свидетельство рода человеческого открывает нам Бога, не говоря о том, каким может быть этот Бог; мировой порядок открывает нам неизбежность, то есть абсолютный и непреложный набор причин и следствий, одним словом, систему законов, которая была бы, если бы Бог существовал как вид и знание этого Бога.

Третье и последнее доказательство существования Бога, предложенное теистами и названное ими метафизическим доказательством, есть не что иное, как тавтологическое построение категорий, которое абсолютно ничего не доказывает.

Что-то существует, значит, существует что-то.

Что-то множественно, значит, что-то одно.

Что-то происходит после чего-то, значит, что-то предшествует чему-то.

Что-то меньше или больше, чем что-то, значит, что-то больше, чем все остальное.

Что-то движется, значит, что-то является движущей силой,

и т. д., до бесконечности.

Это то, что до сих пор называется на факультетах и конференциях, со слов министра народного просвещения и монсеньеров епископов, — приводить метафизическое доказательство существования Бога. Вот то, что элита французской молодежи обречена блеять вслед за своими преподавателями, в течение года, под страхом не получить диплом и с невозможностью изучать право, медицину, политехнику и науки. Конечно, если что и должно удивлять, так это то, что с такой философией Европа еще не атеистична. Упорство теистической идеи рядом с тарабарщиной школ и величайшим из чудес; она образует сильнейший предрассудок, на который можно ссылаться во славу Божества.

Я не знаю, что человечество называет Богом.

Я не могу сказать, человек ли это, вселенная, или какая-то другая невидимая реальность, которую под этим именем следует понимать; или это слово выражает только идеал, сущность разума.

Однако, чтобы воплотить в жизнь мою гипотезу и мои исследования, я буду рассматривать Бога, следуя тривиальному мнению, как отдельное существо, присутствующее повсюду, отдельное от творения, наделенное нетленной жизнью, как бесконечной наукой и деятельностью, но все предвидящее и справедливое, карающее порок и вознаграждающее добродетель. Я отброшу пантеистическую гипотезу, как лицемерную и бездушную. Бог — личный, или его нет: эта альтернатива — аксиома, из которой я выведу всю свою теодицею.

Таким образом, для меня сейчас, — чтобы не заботиться о вопросах, которые могут возникнуть в будущем в связи с идеей Бога, — важно знать, с учетом фактов, которые я

видел в обществе, что я должен думать о поведении Бога, как это предлагается в моей вере, и относительно человечества. Словом, именно с точки зрения доказанного существования зла я хочу с помощью новой диалектики прощупать, изучить Высшее существо.

Зло существует: по этому вопросу сейчас все, кажется, согласны.

Так вот, спрашивали стоики, эпикурейцы, манихеи [236], атеисты, как соотносить присутствие зла с идеей суверенно доброго, мудрого и могущественного Бога? Как же тогда Бог, то ли беспомощный, то ли нерадивый, то ли злой, позволив злу проникнуть в мир, мог возложить ответственность за их поступки на создания, которых он сам создал несовершенными, и тем самым предал всем опасностям их тяготений? Как, наконец, поскольку он обещает праведникам после смерти неизбывное блаженство, или, другими словами, поскольку он дает нам идею и желание счастья, но не дает нам наслаждаться им уже в этой жизни, заставляя нас радоваться искушению зла, вместо того чтобы подвергать нас вечным мучениям?

Таково, в своем старинном составе, содержание протеста атеистов.

Сегодня почти не спорят: теисты больше не беспокоятся о логических несоответствиях своей системы. Нам нужен Бог, Провидение прежде всего: по этому пункту идет конкуренция между радикалами и иезуитами. Социалисты проповедуют во имя Бога счастье и добродетель; в школах те, кто выступают сильнее всего против Церкви, являются первыми из мистиков.

Древние теисты больше заботились о своей вере. Они стремились если не продемонстрировать ее, то, по крайней мере, сделать ее разумной, прекрасно чувствуя в отношении своих преемников, что без убежденности нет для верующего ни достоинства, ни покоя.

Поэтому отцы Церкви отвечали неверующим, что зло — это лишь *лишение большего блага*, и что в рассуждениях о *лучшем* не хватает точки опоры, на которой можно было бы закрепиться, что ведет прямо к абсурду. Поскольку всякое творение обязательно ограничено и несовершенно, Бог в своем бесконечном могуществе может непрестанно прибавлять к своим совершенствам: в этом отношении всегда, в той или иной степени, в творении есть лишение блага. И наоборот, настолько несовершенно и ограниченное творение, как предполагают, с момента своего существования оно пользуется определенной степенью блага, лучшей для него, нежели небытие. Поэтому, если есть правило, по которому человек считается добрым до тех пор, пока он творит все добро, которое он может творить, то это не так в случае с Богом, так как обязанность бесконечно творить добро противоречива в самой способности творить: совершенство и творение — два термина, которые необходимо взаимоисключительны. Таким образом, Бог был единственным судьей той степени совершенства, которую надлежало дать каждому творению: выдвинуть в этом отношении обвинение против него — значит оклеветать его справедливость.

Что же касается греха, то есть нравственного зла, то у Отцов были в ответ на возражения

атеистов теории свободы воли, искупления, оправдания и благодати, к которым нам больше не придется возвращаться.

У меня нет понятия о том, что атеисты категорически возразили этой теории несовершенства, присущего творению, — теории, ярко воспроизведенной г-ном де Ламенне в его «Эскизе» [237]. На самом деле они не могли ответить; ибо, рассуждая согласно ошибочному представлению о зле и свободной воле и в глубоком неведении законов человечества, им также не хватало причин ни для того, чтобы восторжествовать над своим сомнением, ни для того, чтобы опровергнуть верующих.

Выйдем из сферы конечного и бесконечного и разместимся в концепции порядка. Может ли Бог сделать круглый круг, квадрат с прямыми углами? — Несомненно.

Был бы Бог виноват, если бы, сотворив мир по законам геометрии, он ввел нас в разум или только позволил нам поверить — без того, чтобы это было нашей ошибкой, что круг может быть квадратным, или квадрат круглым, и это ложное мнение должно было привести нас к неисчислимой череде зла? — Без сомнения, еще раз.

Ну вот! вот как раз то, что сделал Бог, Бог Провидения, в управлении человечеством; вот в чем я его обвиняю. Он знал из всей вечности, — так как после шести тысяч лет мучительного опыта мы, смертные, это сами обнаружили, — что порядок в обществе, то есть свобода, богатство, наука, достигается путем примирения противоположных идей, каждая из которых, в частности, считается абсолютной, должны были ввергнуть нас в пучину страданий: почему он не предупредил нас? Почему он с самого начала не выправил наше суждение? Почему он оставил нас с несовершенной логикой, особенно когда наш эгоизм должен был позволить себе несправедливость и коварство? Он знал, этот ревнивый Бог, что, предавая нас рискам опыта, мы поздно обретем ту безопасность жизни, которая составляет все наше счастье: почему, когда мы открыли собственные законы, он не сократил это долгое обучение? Почему, вместо того чтобы увлечь нас противоречивыми взглядами, он не перевернул опыт, проведя нас путем анализа от синтетических идей к антиномиям, вместо того, чтобы позволить нам мучительно взбираться на крутую вершину от антиномии к синтезу?

Если, как ранее думали, зло, от которого страдает человечество, происходит только от неизбежного несовершенства во всяком творении; скажем лучше, если бы это зло было причиной только антагонизма возможностей и желаний, составляющих наше существо, и разум должен научить нас владеть и управлять, мы не имели бы права жаловаться. Так как наше условие было таким, каким оно могло быть, Бог будет оправдан.

Но перед этой невольной иллюзией нашего понимания, иллюзией, которую так легко было развеять, и последствия которой должны были быть столь ужасны, где оправдание Провидения? Не правда ли, что здесь благодать миновала человека? Бог, которого вера представляет как нежного отца и благоразумного учителя, предает нас фатальности наших незавершенных замыслов; он роет ров под нашими ногами; он заставляет идти нас вслепую; и потом, при каждом падении, он обвиняет нас в злодействе. Что я говорю? кажется, несмотря на него, что в конце всего пути мы узнаем свою дорогу; это как если оскорбить его славу, став, через испытания, которые он налагает на нас, умнее и свободнее. Что же нам,

таким образом, нужно непрестанно требовать от Божества, и чего хотят от нас эти спутники Провидения, которое вот уже шестьдесят веков с помощью тысячи религий обманывает и сбивает нас с толку?

Что! Бог своими вестниками и законом, который он вложил в наши сердца, повелевает нам любить ближнего, как самих себя, поступать с другими так, как мы хотим, чтобы поступали с нами, отдавать каждому то, что ему причитается, не жульничать с заработной платой рабочего, не давать займы ростовщичество; к тому же он знает, что милосердие в нас едва теплится, совесть колеблется, и что малейший предлог всегда кажется нам достаточным основанием для освобождения нас от закона: и именно с подобными положениями он втягивает нас в противоречия торговли и собственности, где, по неизбежности теорий, должны неизбежно погибнуть милосердие и справедливость! Вместо того, чтобы просвещать наш разум о сфере принципов, которые располагаются в этой сфере со всей властью необходимости, но последствия которых, утверждаемые эгоизмом, смертельны для человеческого братства, он ставит этот обманутый разум на службу нашей страсти; он разрушает в нас обольщением духа равновесие совести; он оправдывает в наших собственных глазах наши присвоения и скупость; он делает неизбежным, законным отделение человека от себе подобного; он создает между нами разделение и ненависть, делая невозможным равенство трудом и правом; он заставляет нас верить, что это равенство, закон мира, несправедливо между людьми: и потом он массово нас изгоняет за то, что мы не умеем исполнять его непонятные предписания! Конечно, я думаю, что доказал, что отказ от Провидения не оправдывает нас; но, каким бы ни было наше преступление, мы не виновны перед ним; и если есть существо, которое прежде нас и более, чем мы, заслужило ад, то я должен назвать его Богом.

Когда теисты, чтобы установить свой догмат Провидения, утверждают в качестве доказательства природный порядок; и хотя этот аргумент является лишь принципиальным заявлением, все же нельзя сказать, что он подразумевает противоречие, и что приводимый факт противоречит гипотезе. Ничто, например, в системе мира не обнаруживает мельчайшей аномалии, легчайшей незапланированности, из которой можно почерпнуть какое-нибудь предубеждение против идеи высшего, личного разумного движителя. Одним словом, если природный порядок не доказывает реальность Провидения, он не противоречит ему.

Совсем другое дело в управлении человечеством. Здесь порядок не появляется одновременно с материей; он не был, как в системе мира, создан раз и навсегда. Он развивается постепенно в соответствии с судьбоносным рядом принципов и следствий, которые само человеческое существо, существо, которому он предназначался, должно извлекать самопроизвольно, с помощью собственной энергии и под воздействием опыта. Никаких откровений в этом отношении ему не дано. Человек с самого на чала подчинен заранее установленной необходимости, абсолютному и непреодолимому порядку. Но чтобы этот порядок осуществился, нужно, чтобы человек его открыл (обнаружил); чтобы эта необходимость существовала, он должен ее угадать. Эту работу по изобретению можно было бы сократить: никто, ни на небе, ни на земле, не придет на помощь человеку; никто не научит его. Человечество на протяжении сотен веков будет поглощать свои поколения; оно истощится в крови и грязи, если Бог, которому оно поклоняется, ни разу не придет, чтобы просветить его разум и сократить его испытание. Где здесь божественное действие? где

провидение?

«Если бы Бога не существовало, — это говорит Вольтер, враг религий, — его следовало бы изобрести». — Почему? — «Потому что, — добавляет тот же Вольтер, — если бы я имел дело с князем-атеистом, который был бы заинтересован в том, чтобы меня истолкли в ступе, я, конечно, был бы истолчен». Странная аберрация великого ума! А если бы вы имели дело с набожным князем, которому его исповедник повелел бы от имени Бога сжечь вас заживо, разве вы не были бы уверены, что тоже были бы сожжены? Забудете ли вы инквизицию и Святого Варфоломея [238], и костры Ванини [239] и Бруно, и пытки Галилея, и мученическую гибель стольких свободных мыслителей?... Не пытайтесь здесь различать использование и злоупотребление: ибо я возразил бы вам, что из мистического и сверхъестественного принципа, который все охватывает, все объясняет, все оправдывает, как идея Бога, что все следствия правомерны, и что усердие верующего является единственным судьей.

«Я когда-то верил, — говорит Руссо, — что можно быть честным человеком и обходиться без Бога: но я отвернулся от этой ошибки». То же самое рассуждение в глубине души, что и у Вольтера, то же оправдание нетерпимости: человек творит добро и воздерживается от зла только по мотивам Провидения, которое следит за ним: анафема тем, кто его отрицает! И, как бы то ни было, тот же человек, который таким образом требует за нашу добродетель наказания воздающего и мстительного Божества, является и тем, кто проповедует в качестве догмата веры прирожденную доброту человека.

А я говорю: первая обязанность умного и свободного человека — непрестанно изгонять идею Бога из своего ума и совести. Ибо Бог, если он существует, по существу враждебен нашей природе, и мы никоим образом не подпадаем под его власть. Мы приходим к науке, невзирая на него, к благополучию, невзирая на него, к обществу, невзирая на него: каждое наше достижение — это победа, в которой мы сокрушаем Божество.

Пусть больше не говорят: неисповедимы пути Господа! Мы проникли в них и в характере пролитой крови прочитали доказательства бессилия, если не злого умысла Бога. Мой разум, длительное время униженный, постепенно поднимается до уровня бесконечности; со временем он откроет все, что скрывает от него неопытность; со временем я стану все меньше и меньше создателем несчастий, и благодаря просвещению, которое я обрету, совершенствуя свою свободу, я очищусь, идеализирую свое существо и стану главой творения, равным Богу. Одно мгновение беспорядка, которое мог предотвратить и которое не стал предотвращать Всевышний, обвиняет его провидение и ставит под сомнение его мудрость: малейший прогресс, который человек, невежественный, покинутый и преданный, совершает в направлении к добру, безмерно его возвышает. По какому праву Бог сказал бы мне: *Будь свят, потому что я свят?* Лживый дух, отвечу я ему, глупый Бог, кончилось твое царствование; ищи другие жертвы среди зверей. Я знаю, что я не являюсь и никогда не стану святым; а как же ты им будешь, если я похож на тебя? Вечный отец, Юпитер или Иегова, мы узнали тебя: ты есть, ты был, ты навсегда будешь ревновать Адама, тиранить Прометея.

Таким образом, я не впадаю в софизм, опровергнутый святым Павлом, когда он запрещает вазе сказать гончару: почему ты сделал меня такой? Я не упрекаю автора вещей в том, что он сделал из меня негармоничное существо, бессвязный комплект; я мог существовать

только в таком виде. Я просто кричу ему: почему ты лжешь мне? Почему своим молчанием ты разжег во мне эгоизм? Почему ты подверг меня пытке вселенского сомнения, горькой иллюзии антагонистических идей, которые ты вложил в мое понимание? Сомнения в истине, сомнения в справедливости, сомнения в моем сознании и свободе, сомнения в тебе — о, Боже! и, как следствие этого сомнения, необходимость войны с самим собой и со своим ближним! Вот, Высший отец, что ты сделал для нашего счастья и для своей славы; вот каковы были, с самого начала, твоя воля и твое правление; вот хлеб, смешанный с кровью и слезами, которым ты нас кормил. Грехи, за которые мы просим твоего прощения, — это ты заставляешь нас совершать их; ловушки, от которых мы заклинаем тебя избавить, — это ты их расставляешь; и сатана, который осаждает нас, этот Сатана — это ты.

Ты торжествовал, и никто не смел перечить тебе, когда, терзая телом и душой праведного Иова, образ нашего человечества, ты надругался над его искренним благочестием, его сдержанным и благоговейным невежеством. Мы были как новорожденные перед твоим невидимым величием, которому мы отдали небо как балдахин, и землю — как скамью. А теперь ты свергнут и разбит. Твое имя, бывшее так долго последним словом ученого, решением судьи, силой князя, надеждой бедняка, прибежищем кающегося грешника, и...! это непередаваемое имя, отныне обреченное на презрение и анафему, будет освистано среди людей. Потому что Бог — это глупость и трусость; Бог — лицемерие и ложь; Бог — тирания и нищета; Бог — это зло. Пока человечество будет преклоняться перед алтарем, человечество, раб царей и жрецов, будет осуждено; пока человек во имя Бога получит клятву другого человека, общество будет основано на лжесвидетельстве, мир и любовь будут изгнаны из смертных. Бог, отойди! ибо отныне, излечившись от страха тебя и став мудрым, клянусь, простертой к небу рукой, что ты — всего лишь палач моего разума, призрак моей совести.

Поэтому я отрицаю господство Бога над человечеством; я отвергаю его провиденциальное управление, небытие которого в достаточной мере установлено метафизическими и экономическими галлюцинациями человечества, одним словом — мученической смертью нашего рода; я отказываюсь от юрисдикции Высшего существа над человеком; я лишаю его званий отца, царя, судьи, доброго, милостивого, милосердного, милосердного, воздающего и мстящего. Все эти атрибуты, из которых состоит идея Провидения, — всего лишь карикатура на человечество, непримиримая с самостоятельностью цивилизации и к тому же опровергнутая историей ее aberrаций и катастроф. Следует ли из этого — поскольку Бог уже не может быть признан как Провидение, поскольку мы отнимаем у него этот атрибут, столь важный для человека, — что он без колебаний сделал его синонимом Бога, что Бога нет, и что ложность богословского догмата, что касается реальности его содержания, уже сейчас доказана?

Увы! Нет. Предубеждение относительно божественной сущности было уничтожено; таким же образом обнаруживается независимость человека: вот и все. Реальность божественного бытия осталась вне пределов досягаемости, и наша гипотеза все еще остается. Продемонстрировав, в случае с Провидением, что невозможно, чтобы был Бог, мы сделали в определении идеи Бога первый шаг: теперь речь идет о том, согласуется ли эта первая данность с тем, что осталось от гипотезы, — следовательно, в той же точке разума определить, что Бог есть, если он есть.

Ибо, как и после того, как мы установили виновность человека под влиянием экономических противоречий, мы должны были оправдать эту вину, под страхом искалечить человека и сделать его лишь презренным сатиром; так же, после того, как мы признали химеру провидения в Боге, мы должны искать, как это отсутствие провидения согласуется с идеей суверенного разума и суверенной свободы под угрозой провала предложенной гипотезы, и того, что ничто еще не оказывается ложным.

Поэтому я утверждаю, что Бог, если он Бог, не похож на чучела, которые делали из него философы и священники; что он не мыслит и не действует в соответствии с законом анализа, предвидения и прогресса, который является отличительной чертой человека; что, напротив, он, по-видимому, идет обратным, ретроградным путем; что интеллект, свобода, личность в Боге сформированы иначе, чем в нас; и что это совершенно мотивированное своеобразие природы делает из Бога существо антицивилизующее, антилиберальное, античеловеческое.

Я доказываю свое предложение, идя от негатива к позитиву, то есть выводя истину из моего тезиса о прогрессе возражений.

1) Бог, говорят верующие, может быть признан только как бесконечно добрый, бесконечно мудрый, бесконечно могущественный и т. д.: вся литания бесконечностей. Так вот, бесконечное совершенство не может примириться с данностью безразличного или даже реакционного отношения к прогрессу: следовательно, или Бога не существует, или возражение, взятое из развития антиномий, доказывает лишь неведение, в котором мы являемся тайнами бесконечного. Я отвечаю на эти рассуждения, что если для того, чтобы узаконить совершенно произвольное мнение, достаточно отвергнуть непостижимость тайн, то я так же люблю тайну Бога без провидения, как и тайну безуспешного Провидения. Но при наличии фактов нет необходимости ссылаться на подобную вероятность; следует придерживаться положительной констатации опыта. Однако опыт и факты свидетельствуют о том, что человечество в своем развитии подчиняется непреклонной необходимости, законы которой возникают и система которой реализуется по мере того, как коллективный разум обнаруживает ее, и ничто в обществе не свидетельствует ни о внешнем подстрекательстве, ни о провиденциальной заповеди, ни о каких-либо сверхчеловеческих мыслях. То, что заставило поверить в Провидение, — это та самая необходимость, которая как бы является основой и сутью коллективного человечества. Но эта необходимость, какой бы систематической и прогрессивной она ни являлась, не устанавливает от того ни в человечестве, ни в Боге провидения; достаточно, чтобы убедиться в этом, вспомнить бесконечные колебания и мучительные попытки, посредством которых проявляется социальный порядок.

2) Другие спорщики встают поперек и восклицают: к чему эти непонятные поиски? Нет большего бесконечного разума, чем Провидение; нет во вселенной ни «я», ни воли, кроме человека. Все, что случается, как злого, так и доброго, обязательно случается. Непреодолимый набор причин и следствий охватывает человека и природу в одной и той же неизбежности; и то, что мы называем в себе сознанием, волей, суждением и т. д., — лишь отдельные случаи всего вечного, неизменного и фатального.

Этот аргумент является обратным предыдущему. Он состоит в том, чтобы заменить идею

всесильного и мудрого автора идеей необходимой и вечной, но бессознательной и слепой координации. Это противопоставление уже заставляет нас предчувствовать, что диалектика материалистов не тверже, чем диалектика верующих.

Кто говорит о необходимости или неизбежности, тот говорит об абсолютном и нерушимом порядке; кто же, напротив, говорит о потрясениях и беспорядке, тот утверждает все, что противоречит неизбежности. Так вот, в мире есть беспорядок — беспорядок, производимый расцветом спонтанных сил, которые не сдерживает никакая власть: как это может быть, если все неизбежно? Но кто же не видит, что эта старая вражда теизма и материализма исходит из ложного понятия свободы и неизбежности, двух терминов, которые считались противоречивыми, в то время как на самом деле их нет! Если человек свободен, сказали одни, то Бог тем более свободен, а неизбежность — лишь слово; — если в природе все связано, подхватили другие, нет ни свободы, ни Провидения: и каждый в недоумении рассуждал в том направлении, которого он придерживался, так и не сумев понять, что это так называемое противопоставление свободы и неизбежности было лишь естественным, но не прямо противоположным различием фактов действительности с фактами разума.

Неизбежность — это абсолютный порядок, закон, кодекс, *фатум* образования Вселенной. Но хотя этот кодекс сам по себе исключает идею верховного законодателя, он предполагает ее настолько естественно, что вся древность не колебалась в том, чтобы это признать: и весь вопрос сегодня заключается в том, предшествовал ли, как полагали основатели религий, во Вселенной законодатель закону, то есть, предшествует ли интеллект неизбежности, — или, как этого желают современники, закон предшествует законодателю, иными словами — рождается ли разум из природы. ДО или ПОСЛЕ, эта альтернатива обобщает всю философию. Спорим ли мы о предшествовании разума, или его возникновении впоследствии, в добрый час: но отрицаем ли мы его во имя неизбежности, это исключение, которое ничем не оправдано, и достаточно, чтобы опровергнуть его, напомнить о самом факте, на котором оно основано, — о существовании зла.

Система мира является производной от данных — материи и притяжения: вот что неизбежно. Из двух взаимосвязанных и противоречивых идей должна следовать одна композиция: вот что еще неизбежно. То, что претит (противоречит) неизбежности, — это не свобода, назначение которой, напротив, состоит в том, чтобы обеспечить в определенной сфере исполнение неизбежности: это беспорядок, это все, что мешает исполнению закона. Существует ли — да или нет — беспорядок в мире? Фаталисты этого не отрицают, так как по самой странной оплошности именно присутствие зла сделало их фаталистами. Так вот, я говорю, что присутствие зла, отнюдь не свидетельствующее о неизбежности, нарушает неизбежность, совершает насилие над судьбой и предполагает причину, существование которой — неправильное, но добровольное, — находится в несоответствии с законом. Эта причина, я ее называю свободой; и я доказал (гл. IV) что свобода, равно как и разум, который в человеке служит факелом, тем более великая и совершенная чем она лучше гармонирует с порядком природы, каковой есть неизбежность.

Таким образом, противопоставить неизбежность свидетельству сознания, которое чувствует себя свободным, и *vice versa* (наоборот) — значит доказать, что мы воспринимаем идеи в обратном направлении, и что у нас нет ни малейшего понимания вопроса. Прогресс человечества может быть определен воспитанием разума и человеческой свободы через

неизбежность: абсурдно смотреть на эти три термина как исключаящие друг друга и непримиримые, когда на самом деле они поддерживают друг друга; неизбежность служит основой, разум приходит после, и свобода венчает сооружение. Именно познать и пронизать неизбежность стремится человеческий разум; именно к соглашению с ней стремится свобода: а критика спонтанного развития и инстинктивных верований человеческого рода, которой мы сейчас предаемся, по сути, является лишь изучением неизбежности. Объясним это.

Человек, одаренный деятельностью и умом, имеет власть нарушать порядок мира, частью которого он является. Но все его отклонения были предвиденными и совершаются в определенных границах, которые после ряда выходов и приходов возвращают человека к порядку. Именно по этим колебаниям свободы можно определить роль человечества в мире; а так как судьба человека связана с судьбой созданий, то от него можно вернуться к высшему закону вещей и к истокам бытия.

Поэтому я больше не буду спрашивать: откуда у человека власть нарушать порядок Провидения и почему Провидение это позволяет? Я ставлю вопрос в другой терминологии: каким образом человек, неотъемлемая часть Вселенной, произведенный неизбежностью, обладает силой нарушать неизбежность? почему неизбежная организация, организация человечества, оказывается случайной, нелогичной, полной суматохи и катастроф? Неизбежность совершается не за час, не в течение века, не в тысячу лет: почему наука и свобода, если неизбежно, что они у нас появились, не появились раньше? Ибо, пока мы страдаем от ожидания, неизбежность находится в противоречии с самой собой; с учетом присутствия зла нет большей неизбежности, чем Провидение. Что такое, одним словом, неизбежность, опровергаемая с каждым мгновением фактами, происходящими в ее утробе? Вот что фаталисты обязаны объяснить, точно так же, как теисты обязаны объяснить, что может быть бесконечным разумом, который не умеет ни предвидеть, ни предотвращать несчастья своих созданий.

Но это не все. Свобода, разум, неизбежность являются, по существу, тремя адекватными выражениями, служащими для обозначения трех различных граней бытия. В человеке разум — это лишь определенная свобода, которая ощущает свой предел. Но эта свобода является еще, в кругу своих определений, неизбежностью, неизбежностью живучей и персональной. Поэтому, когда сознание человеческого рода провозглашает, что неизбежность Вселенной, то есть высшая, верховная неизбежность, адекватна разуму, так же, как и бесконечной свободе, оно лишь выдвигает гипотезу в любом случае законную, проверка которой необходима всем сторонам.

3) В настоящее время *гуманисты*, новые союзники, появляются и говорят: Человечество в целом — это реальность, ведомая общественным гением под мистическим именем Бога. Этот феномен коллективного разума, вид миража, — в котором человечество, созерцая себя, принимает себя за внешнее, возвышенное существо, — который смотрит на него и руководит его судьбами; эта иллюзия сознания, скажем мы, была проанализирована и объяснена; и отныне богословская гипотеза воспроизводится в науке. Надо сосредоточиться только на обществе, на человеке. *Бог* в религии, *государство* в политике, *собственность* в экономике — такова тройная форма, в которой человечество, ставшее чуждым самому себе, не переставало разрывая себя своими же руками, и которую сегодня оно должно

отвергнуть.

Я допускаю, что любое утверждение или предположение о Божественности исходит из антропоморфизма, и что Бог есть прежде всего лишь идеал, или, лучше сказать, призрак человека. Более того, я допускаю, что идея Бога является прообразом и основой принципа власти и произвола, который в нашей задаче — уничтожить или, по крайней мере, подчинить везде, где бы он ни проявлялся — в науке, в работе, в городе. Я также не противоречу гуманизму, я продолжаю его. Овладевая его критикой божественного существа и применяя ее к человеку, я наблюдаю:

Что человек, поклоняясь себе, как Богу, постулировал из него идеал, противоречащий его собственной сущности, и объявил себя антагонистом верховного совершенного существа, одним словом, бесконечности;

Что человек, следовательно, по его собственному суждению, является лишь ложным божеством, так как, создавая Бога, он отрицает самого себя; и что гуманизм — такая же отвратительная религия, как и все теизмы античного происхождения;

Что этот феномен человечества, возмнившего себя Богом, не объясняется терминами гуманизма и требует дальнейшего истолкования.

Бог, согласно богословской концепции, — это не только суверенный арбитр Вселенной, непогрешимый и бессознательный царь творений, разумный тип человека; он — вечное, неизменное, присутствующее везде, бесконечно мудрое, бесконечно свободное существо. Так вот, я говорю, что эти атрибуты Бога содержат в себе больше, чем идеал, больше, чем нечто возвышающееся, до такой степени, насколько это будет угодно, над соответствующими атрибутами человечества; я говорю, что они противоречат друг другу. Бог противоположен человеку, так же как милосердие противоположно справедливости; святость, идеал совершенства, противоположна совершенству; царственность, идеал законодательной власти, противоположна закону и т. д. Так что божественная гипотеза возродится из своего разрешения в человеческой реальности, и проблема полного, гармоничного и абсолютного существования, всегда удаленного, всегда возвращается.

Чтобы продемонстрировать эту радикальную антиномию, достаточно сопоставить факты с определениями.

Из всех фактов, наиболее достоверных, наиболее постоянных, наиболее бесспорных, несомненно, что человеческое знание прогрессивно, методично, рефлексивно, одним словом, экспериментально; до такой степени, что любая теория, лишенная подтверждения опыта, то есть постоянства и сцепления в своих представлениях, теряет научный характер. В этом отношении мы не можем вызывать ни малейшего сомнения. Сама математика, квалифицируемая как чистая, но подверженная ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ высказываний, тем самым вытекает из опыта и признает его закон.

Наука о человеке, исходя из приобретенного наблюдения, таким образом продвигается вперед и продвигается в безграничной сфере. Термин, к которому она стремится, идеал, который она стремится реализовать, но никогда не может достичь его, а наоборот,

постоянно отступает от него, — это бесконечность, абсолют.

Так что было бы бесконечной наукой, абсолютной наукой, определяющей такую же бесконечную свободу, какую предполагает умозрение (домысел) в Боге? Это было бы знание не просто всеобщее, а интуитивное, спонтанное, свободное от всяких колебаний, как от всякой объективности, хотя оно охватывало и реальное, и возможное; наука достоверная, но не доказательная; полная, но не последовательная; наука, наконец, которая, будучи вечной в своем становлении, была бы лишена всякого характера прогресса в соотношении ее частей.

Психология собрала множество примеров такого способа познания, в инстинктивных и волшебных способностях животных; в спонтанном таланте некоторых людей, рожденных расчетливыми, или творческими, независимо от всякого образования; наконец, в большинстве человеческих институтов и первобытных памятников, произведенных бессознательным, независимым от теорий гением. И столь правильные, столь сложные движения небесных тел; чудесные сочетания материи: не кажется ли, что все это — следствие особого инстинкта, присущего стихиям?... Если, следовательно, Бог существует, то нечто от него предстает нам во Вселенной и в нас самих: но это нечто находится в явном противоречии с нашими самыми подлинными тенденциями, с нашим самым определенным предназначением; это нечто постоянно стирается из нашей души посредством образования, и вся наша забота заключается в том, чтобы оно исчезло.

Бог и человек — это две природы, которые избегают друг друга, как только узнают друг друга: как, если не преобразится ни одна из них, ни обе, они когда-нибудь смогут примириться? Как, если прогресс разума состоит в том, чтобы всегда отдалять нас от божества, то Бог и человек посредством разума станут тождественны? Как, в результате, человечество посредством образования сможет стать Богом?

Возьмем другой пример.

Суть религии — чувство. Следовательно, через религию человек приписывает Богу чувство, как он приписывает ему разум; более того, он утверждает, следуя обычному ходу своих идей, что чувство в Боге, как и наука, бесконечно.

Но одного этого достаточно, чтобы изменить в Боге качество чувства и сделать его атрибутом, совершенно отличным от человеческого. В человеке чувство течет, так сказать, из тысячи разнообразных источников: оно противоречит себе, оно мутится, оно рвется само; без этого оно не чувствовало бы себя. В Боге, напротив, чувство бесконечно, то есть оно единое, полное, постоянное, кристально чистое и не имеющее никакой необходимости раздражаться контрастом, чтобы прийти к счастью. Мы сами переживаем этот божественный способ ощущения, когда единое чувство, восхищающее все наши способности, как в экстазе, на мгновение накладывает молчание на другие привязанности. Но этот восторг всегда существует только с помощью контраста и какой-то провокации, пришедшей откуда-то извне: он никогда не бывает совершенным, или, если он достигает полноты, то это как светило, которое достигает своего апогея в одно неделимое мгновение.

Таким образом, мы живем, чувствуем, мыслим только через череду противостояний и

потрясений, через междоусобную войну; наш идеал, следовательно, не бесконечность, это равновесие; бесконечность выражает нечто иное, чем мы.

Говорят: У Бога нет атрибутов, свойственных только ему; его атрибуты — атрибуты человека; поэтому человек и Бог — одно и то же.

Напротив, атрибуты человека, будучи бесконечными в Боге, тем самым являются собственными и специфическими: именно характер бесконечного становится особенностью, сущностью, благодаря которой существует конечное. Отрицание, следовательно, реальности Бога, — как отрицание реальности противоречивой идеи; отталкивание от науки и морали этого неуловимого и кровавого призрака, который, чем дальше, тем больше, кажется, преследует нас; может до определенного момента оправдать себя и ни в коем случае не навредит. Но не стоит из Бога делать человечество, потому что это будет клеветой на обоих.

Можно ли сказать, что противостояние между человеком и божественным существом иллюзорно и что оно происходит из противостояния, которое существует между отдельным человеком и сущностью человечества в целом? Тогда надо утверждать, что человечество, поскольку именно человечество обожествляется, не является ни прогрессивным, ни противопоставленным в разуме и чувстве; словом, что оно бесконечно во всем, что опровергается не только историей, но и психологией.

Это не так, — восклицают гуманисты. Чтобы иметь идеал человечества, надо рассматривать его уже не только в его историческом развитии, а во всей совокупности его проявлений, как если бы все человеческие поколения, собравшись в одно мгновение, образовали единого человека, человека бесконечного и бессмертного. То есть отказываться от реальности, чтобы захватить проекцию; что настоящий человек — это не реальный человек; что для того, чтобы найти настоящего человека, человеческий идеал, нужно выйти из времени и войти в вечность, что я говорю? Дезертирство конечного для бесконечности, человек для Бога! Человечество, таким, каким мы его знаем, каким оно развивается, таким, одним словом, каким оно может существовать, право; нам пока зали перевернутое изображение, как в зеркале, а потом сказали: Вот человек! А я отвечаю: Это уже не человек, это Бог. Гуманизм — самый совершенный теизм.

Так что же это за провидение, которое предполагают в Боге теисты? Способность в основном человеческая, антропоморфный атрибут, с помощью которого Бог должен смотреть в будущее в соответствии с ходом событий, поскольку мы, люди, смотрим в прошлое, следуя перспективе хронологии и истории.

Так вот, очевидно, что как бесконечность, то есть спонтанная и универсальная интуиция в науке, претит человечеству, так и провидению претит гипотеза божественного существа. Бог, для которого все идеи равны и параллельны; Бог, чей разум не отделяет синтез от антиномии; Бог, для которого вечность делает все сущее настоящим и современным, не смог, создавая нас, открыть нам тайну наших противоречий; и это именно потому, что он Бог, потому что он не видит противоречия, потому что его разум не подпадает под категорию времени и закона прогресса, потому что его разум интуитивен, а его наука бесконечна. Провидение в Боге — это одно противоречие в другом; именно посредством

провидения Бог действительно был сотворен по образу и подобию человека; отнимите это провидение, Бог перестает быть человеком, а человек в свою очередь должен отказаться от всяких притязаний на божество.

Спросят, вероятно, для чего Богу бесконечная наука, если ему не ведомо, что происходит в человечестве.

Давайте различать. У Бога есть восприятие порядка, чувство добра. Но этот порядок, это добро он видит как вечное и абсолютное, он не видит его в том, что он предлагает последовательного и несовершенного; он не улавливает его недостатков. Только мы способны видеть, чувствовать и оценивать зло, как и измерять длительность; потому что только мы способны производить зло, и потому что наша жизнь временна. Бог видит, чувствует только порядок; Бог не улавливает того, что происходит, потому что то, что происходит, находится *ниже* него, ниже его горизонта. Мы, напротив, видим разом добро и зло, временное и вечное, порядок и беспорядок, конечное и бесконечное; мы видим в себе и вне себя; и разум наш, потому что он конечен, выходит за пределы нашего горизонта.

Таким образом, посредством сотворения человека и развития общества разум конечный и провиденциальный, наш разум, был заложен в противоположность интуитивному и бесконечному разуму, Богу; так что Бог, не теряя ничего из своей бесконечности во всяком смысле, кажется, одним только фактом существования человечества, умалется. Прогрессивный разум, возникающий в результате проекции вечных идей на подвижную и наклонную плоскость времени, человек может слышать язык Бога, потому что он исходит от Бога, и его разум поначалу подобен разуму Бога; но Бог не может ни слышать нас, ни спускаться к нам, потому что он бесконечен, и он не может облечься в атрибуты конечного, не перестав быть Богом, не разрушая себя. Догмат Провидения в Боге оказывается ложным, по сути и по праву.

Сейчас легко увидеть, как та же аргументация оборачивается против системы обожествления человека.

При неизбежном восприятии человеком Бога как абсолютного и бесконечного в его атрибутах, в то время как он сам (человек) развивается в обратном направлении от этого идеала, возникает несогласие между прогрессом человека и тем, что человек воспринимает как Бога. С одной стороны, кажется, что человек, по синкретизму своей конституции и совершенству своей природы, не является Богом и не может стать Богом; с другой стороны, ощутимо, что Бог, Высшее существо, является антиподом человечества, онтологической вершиной, от которой оно бесконечно отдаляется. Бог и человек, распределив, так сказать, антагонистические способности бытия, по-видимому, играют партию, чьей ценой является управление вселенной: одному — спонтанность, непосредственность, непогрешимость, вечность; другому — незапланированность, дедукция, подвижность, время. Бог и человек играют в вечные шахматы и беспрестанно убегают друг от друга; в то время как второй делает ходы, не давая себе отдыха в размышлениях и теориях, первый, по своей провиденциальной неспособности, кажется, отступает в спонтанности своей природы. Таким образом, существует противоречие между человечеством и его идеалом, оппозиция между человеком и Богом, противопоставление, которое христианское богословие аллегоризировало и олицетворяло под именем Дьявола или Сатаны, то есть

противоречивого, врага Бога и человека.

Такова фундаментальная антимония, которую, я вижу, не учитывают современные критики, и которая, если пренебречь ею, рано или поздно приведет к отрицанию Бого-человека, а следовательно, и к отрицанию всей этой философской интерпретации, снова откроет дверь религии и фанатизму.

Бог, по мнению гуманистов, есть не что иное, как само человечество, коллективное «я», которому подчиняется как невидимому хозяину индивидуальное «я». Но зачем это своеобразное видение, если портрет точно скопирован с оригинала? Почему человек, который с самого рождения непосредственно и без телескопа знает свое тело, свою душу, своего вождя, своего священника, свою родину, свое государство, должен вглядываться в себя, как в зеркале, и не узнавать себя в фантастическом образе Бога? В чем необходимость этой галлюцинации? Что это за мрачное и темное сознание, которое по прошествии определенного времени очищает себя, исправляет себя и, вместо того чтобы приниматься за другое, окончательно устанавливается как таковое? Зачем человеку эта трансцендентальная исповедь общества, когда само общество было там, настоящее, видимое, осязаемое, желаемое и действенное; когда, наконец, оно было известно как общество и названо так?

Нет, говорят, общества не существовало; люди были сгруппированы, но не связаны: произвольное устройство собственности и государства, так же, как нетерпимый догматизм религии доказывают это.

Чистая риторика: общество существует с того дня, когда люди, общаясь трудом и словом, принимали взаимные обязательства и рождали законы и обычаи. Несомненно, общество совершенствуется по мере развития науки и экономики: но ни в одну эпоху цивилизации прогресс не влечет за собой такой метаморфозы, о которой мечтали создатели утопии; и как бы превосходно ни было будущее состояние человечества, оно тем не менее будет естественным продолжением, необходимым следствием его прежних позиций.

К тому же, поскольку ни одна система объединения сама по себе не исключает, как я уже отмечал, братства и справедливости, политический идеал никогда не мог быть спутан с Богом, и на самом деле видно, что у всех народов общество отличалось от религии. Первое принималось за *цель*, второе рассматривалось только как *средство*; князь был министром коллективной воли, в то время как Бог властвовал над сознаниями, ожидая за гробом виновных, избежавших правосудия людей. Сама идея прогресса и реформ нигде не отсутствовала; наконец, ничто из того, что составляет общественную жизнь, ни в одной религиозной стране не было полностью проигнорировано или неправильно понято. Зачем же тогда, еще раз, нужна эта тавтология Общества-Божественности, если верно, как утверждается, что богословская гипотеза не содержит в себе ничего, кроме идеала человеческого общества, предвечного типа человечества, преображенного равенством, солидарностью, трудом и любовью?

Конечно, если это оказалось бы предрассудком, мистицизмом, разочарованием, которое кажется мне сегодня опасным, то это уже не католицизм, который уходит, это было бы скорее этой гуманитарной философией, происходящей от человека, основанной на вере в

умозрение, которое слишком научно, чтобы не смешиваться произвольно со святым и священным существом; провозглашая его Богом, то есть по существу благим и упорядоченным во всех его проявлениях, несмотря на обескураживающие свидетельства, которые он не прекращает предоставлять, о своей сомнительной морали; приписывая свои пороки принуждению, в котором он жил, и обещая себе от него, посредством полной свободы, акты чистой преданности, потому что в мифах, в которых человечество, следуя этой философии, изобразило себя, описываются и противопоставляются друг другу под названиями ада и рая времена принуждения и наказания и эпоха счастья и независимости! При таком учении достаточно будет, впрочем, того, что человек признает, что он не Бог и не добрый, не святой и не мудрый, чтобы он тотчас же бросился в объятия религии: так что в конечном счете все, что мир получит от отрицания Бога, будет воскресением Бога.

Не таков, на мой взгляд, смысл религиозных басен. Человечество, признавая Бога своим автором, своим учителем, своим *альтер эго* (другим я), лишь антитезой определило свою собственную сущность: эклектичную и полную контрастов сущность, исходящую от бесконечности и противоречивую бесконечности, развитую во времени и стремящуюся к вечности, ошибочную по всем этим причинам, хотя и руководствующуюся чувством прекрасного и порядка. Человечество — дочь Бога, как и всякая оппозиция — дочь прежнего положения: именно поэтому человечество открыло Бога подобным себе, наделило его собственными атрибутами, но всегда придавая им специфический характер, то есть определяя Бога противоречивым себе. Человечество является призраком для Бога, так же как он является призраком для него; каждый из двух предназначен для другой причины, причины и конца существования.

Таким образом, было недостаточно доказать посредством критики религиозных идей, что представление о божественном «я» ведет к восприятию человеческого «я»; еще нужно было контролировать эту дедукцию с помощью критики самого человечества и посмотреть, удовлетворяет ли это человечество условиям, которые предполагает его кажущаяся божественность. Так вот, именно этой работе мы торжественно положили начало, когда, исходя одновременно из человеческой реальности и из гипотезы божественного, начали разворачивать историю общества в его экономических установках и в его умозрительных заключениях.

Мы обнаружили, с одной стороны, что человек, хотя и спровоцированный антагонизмом своих идей, хотя до некоторой степени оправданный, совершает зло бессмысленно и с расцветом животных страстей, что противно характеру свободного, разумного и святого существа. С другой стороны, мы показали, что природа человека не устроена гармонически и синтетически, а сформирована скоплением виртуальностей, специфичных для каждого существа, — обстоятельство, которое, открывая нам принцип нарушений, совершаемых человеческой свободой, завершило для нас демонстрацию небожественности нашего вида. Наконец, доказав, что в Боге не только не существует провидения, но что оно невозможно; иначе говоря, отделив в бесконечной Сущности божественные атрибуты от антропоморфных, мы пришли к выводу, вопреки утверждениям старой теодицеи, что в отношении человеческого предназначения, в основном прогрессивного, разум и свобода в Боге претерпевали контраст, своего рода ограничение и умаление, обусловленные характером его вечности, неизменности и бесконечности; так что человек, вместо того, чтобы почитать в Боге своего правителя и проводника, мог и должен был видеть в нем

только своего антагониста. И этого последнего соображения будет достаточно, чтобы заставить нас отвергнуть также гуманизм, как неодолимо стремящийся через обожествление человечества к религиозной реставрации. Настоящее средство от фанатизма, по нашему мнению, состоит не в том, чтобы отождествлять человечество с Богом, что равносильно утверждению общности в социальной экономике, мистицизма и *status quo* (существующего положения вещей) — в философии; а в том, чтобы доказать человечеству, что Бог, в случае, если он существует, является его врагом.

Какое решение появится позже на основе этих данных? Будет ли Бог в конце концов кем-нибудь?

Не ведаю — узнаю ли я это когда-нибудь. Если правда, с одной стороны, что у меня сегодня оснований утверждать реальность человека, существа непоследовательного и противоречивого, не больше, чем (утверждать) реальность Бога, существа непостижимого и имманентного, то я знаю, по крайней мере, из радикального противопоставления этих двух натур, что мне нечего надеяться и опасаться таинственного автора, которого мое сознание невольно предполагает; я знаю, что мои самые подлинные наклонности каждый день отдаляют меня от созерцания этой идеи; что практический атеизм должен отныне быть законом моего сердца и моего разума; что из наблюдаемой неизбежности я должен постоянно познавать правило моего поведения; что любая мистическая заповедь, любое божественное право, которое было бы предложено мне, должно быть мною отброшено и преодолено; что возвращение к Богу через религию, лень, невежество или покорность — это покушение на самого себя; и что если когда-нибудь мне придется примириться с Богом, то это примирение, — невозможное, пока я жив, и в котором я буду иметь все, чтобы выиграть и ничего не потерять, может произойти только через мое уничтожение.

Итак, давайте сделаем заключение и запишем его на колонне, которая должна служить ориентиром для наших дальнейших исследований:

Законодатель *остерегается* человека, сокращенно — природы, и синкретизма всех существ. — Он *не полагается* на Провидение, способность, не мыслимую в бесконечном разуме.

Но, внимательный к последовательности явлений, послушный урокам судьбы, он ищет в неизбежности закон человечества, вечное пророчество его будущего.

Он также иногда вспоминает, что если чувство Божественного ослабевает среди людей; если вдохновение свыше постепенно отступает, чтобы освободить место для умозаключений опыта; если между человеком и Богом происходит все более очевидное разделение; если этот прогресс, форма и состояние нашей жизни, ускользает от представлений бесконечного и, следовательно, анисторического разума; если, говоря проще, напоминание о Провидении со стороны правительства является одновременно трусливым лицемерием и угрозой свободе; однако всеобщее согласие народов, проявленное установлением стольких разнообразных культов, и вечно неразрешимое противоречие, которое поражает человечество в его идеях, проявлениях и тенденциях, указывают на тайную связь нашей души, а через нее — всей природы, с бесконечностью, связь, определение которой выразило бы одновременно в одной паре смысл Вселенной и причину нашего существования.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА

Версия #2
Зверобой создал 14 марта 2025 03:22:08
Зверобой обновил 14 марта 2025 03:23:54